

Моск. новости, - 1988, -
13 марта

Фальшивый Гоголь

Наталья ИВАНОВА

ЗНАЕТЕ ли вы, что в Москве два памятника Гоголю? Пушкин — один, Лермонтов — один, Достоевский тоже один, а Гоголей целых два. И вовсе не оттого, что москвичи любят Гоголя больше, скажем, чем Пушкина.

Один Гоголь (работы скульптора Андреева) грустно сидит во двореке дома, где он умер, на Суворовском бульваре. Это действительно памятник гению, болеющему душой о своем народе, гению, чья любовь к Родине была глубоко оскорблена, гению страдания и человечности.

Другой Гоголь — типичный литературный генерал. Напружинив ляжки, кокетливо отставив ногу, эта помясь Чичикова с Собакевичем гордо стоит в начале Гоголевского бульвара — грудь колесом, так, что бронзовая шинель трещит на могучих плечах. С казенной улыбкой всматривается в автомобильную гарь.

Не верьте ему, он — самозванец. И место занял чужое.

А легенда такова. В начале 50-х, когда в печати уже прозвучали начальственные слова о том, что нам-де нужны новые Гоголи и Щедрины (на что тут же было отвечено ненапечатанной эпиграммой: «Но такие Гоголи, чтобы нас не трогали»), Сталин, проезжая мимо скорбного Гоголя, выразил государственное недовольство отсутствием необходимой жизнерадостности на лице русского классика. Гоголя немедленно убрали, а вместо него был воздвигнут Гоголь фальшивый, который и излучает до сих пор свой поддельный оптимизм. Только в 1958 году, после XX съезда, андреевского Гоголя наполовину реабилитировали, вытащили из темницы, но на место вернуть все-таки побоялись. Стыдливо задвинули в незаметный угол.

Два Гоголя в Москве — два лика нашей культуры, нашей литературы: один полон любви и сострадания, грустен и задумчив, другой задирает оптимистический хохолок. Одной литературой правят искренность и честность, другая есть лишь макет, имитирующий «как бы литературу». Вроде бы все на месте: руки, брюки, шинель, голова, движутся и разгваривают персонажи, борются за все передовое и прекрасное, сопротивляются передовому и прекрасному... Нет лишь крохотного — души.

Два Гоголя сосуществуют и в школьных программах, и на страницах сегодняшних журналов, и в издательских планах.

О ком только из ныне

действующих «монументов» не вышло солидных монографий! А о Мандельштаме пока на Родине не появилось ни одной книги. Нет ни одной книги и о Пастернаке, о Клюеве, о Волошине... Зато фальшивым гоголям воздвигаются «развесистые монументы» при жизни. Вдруг неблагодарные потомки не догадываются?

Где, скажите, в Москве музей Андрея Платонова, полжизни прожившего и умершего в доме на Тверском бульваре (здесь и были написаны «Котлован», «Ювенильное море», «Чевенгур»)? Где хотя бы памятная доска на этом доме? Где музей Заболоцкого? Почему все замерло вокруг музея Пастернака?

Недавно в газетах промелькнула информация о создании пышного комитета по проведению юбилея другого поэта. Информация так и завершилась: объявить, мол, такого-то классиком. Официально, с настоящего момента, хоть плачь, хоть смейся.

Что же касается классиков, признанных во всем мире, то мы не спешим с монументом. В «Литературном энциклопедическом словаре», вышедшем в 1987 году, при всем желании нельзя обнаружить справку о Михаиле Михайловиче Бахтине. А ведь это бесспорная звезда мировой величины. Вышла о Бахтине и монография, но тоже почему-то на Западе. Глядишь, и мы к третьему тысячелетию раскachaемcя.

А Гоголь... что ж, Гоголь. Вечно с ним какие-то истории. И могил-то у него две (прах Гоголя перенесли на Новодевичье кладбище), и плита с его первой могилы стала надгробием другому замечательному писателю — Михаилу Булгакову.

Это булгаковский герой, кстати, утверждал: чтобы понять, писатель ли перед вами, удостоверений не надо, достаточно прочесть всего пять страниц. Полагаю, что он был прав.

Однако только что секретариат московского отделения Союза писателей отказался удостоверить, что Татьяна Толстая прозаик, не избрав ее членом своего объединения. Имя Татьяны Толстой достаточно известно. Ее рассказы сразу же обратили на себя внимание читателей, критиков и таких маститых писателей, как И. Грекова, Ф. Искандер, Ю. Нагибин.

Но для Союза писателей эти оценки, как и книги Т. Толстой, не показались серьезными аргументами. Аргументом оказалось суждение: зачем столько Толстых? Хватит с нас и того, что в Москве два Гоголя.